

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т.1. СПб., 1890. С. 326–331.
2. Седова Н. В. Акцизное налогообложение в современной России // Финансы. 2001. № 12. С. 41–43.
3. Шереметьева Е. Н., Герасимов В. Б. Акцизы на товары народного потребления и их роль в бюджетной системе РФ // Налоговый вестник. 2000. № 1. С. 122–126.
4. Малис Н. И., Веселова А. В. Акцизы на алкогольную продукцию: практика применения // Финансы. 2001. № 4. С. 33–37.
5. Соловьев И. Н. Выявление налоговых правонарушений и преступлений в сфере производства и реализации фальсифицированной продукции // Налоговый вестник. 2000. № 4. С. 136–141.
6. Глухов В. В., Дольдэ И. В., Некрасова Т. П. Налоги: теория и практика: Учебник. 2-е изд., испр., и доп. СПб.: Изд-во «Лань», 2002. 448 с.
7. Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов: Учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2001. 256 с.
8. Соколов А. А. Теория налогов. М.: ООО «ЮрИнфоР-Пресс», 2003. 506 с.
9. Толкушкин А. В. История налогов в России. М.: Юрист, 2001. 432 с.
10. В. Петти. Трактат о налогах и сборах. М.: Ось-89, 1997. 112 с.
11. <http://www.ach.gov.ru/activity/annotation/zakluch/2003/05.shtml>.

Наталья Анатольевна КОСТКО –
доцент кафедры маркетинга
и муниципального управления
Тюменского государственного
нефтегазового университета,
кандидат социологических наук

Некоторые аспекты концепции устойчивого развития

УДК 504:1

АННОТАЦИЯ. В работе рассматриваются методологические аспекты определения сущности и классификации понятия устойчивого развития, предлагается свое видение концепции устойчивого развития применительно к региональному и муниципальному уровням, способы достижения их нового качественного состояния.

The paper deals with the methodological aspects of defining the essence and classification of the notion of «permanent development». The author offers his own interpretation of the concept of «permanent development» concerning regional and municipal levels, as well as the ways of achieving their new more qualitative state.

«Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, известная как «Комиссия Брундтланд», опубликовала в 1987 г. доклад под названием «Наше общее будущее», в котором дано следующее определение: «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребностям нынешнего поколения, не ставящее под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности» [1. С. 89].

По мнению Н. Н. Моисеева, термин устойчивого развития неточен уже в силу того, что понятие «развитие» — антипод понятию «устойчивость», т. е. если мы говорим о развитии, то устойчивости быть не может. Мы не можем принять за основу

исследования такой семантический подход к данному понятию, скорее, за устойчивым развитием подразумевается понятие эволюционизма и его инструментальная значимость и направленность, т. е. устойчивость рассматривается как постоянство развития по восходящей.

Причем, инструменталистская характеристика термина четко прослеживается у А. С. Кузьмина, рассматривающего «устойчивость как способность системы компенсировать возмущения и либо возвращаться к исходному состоянию, либо приспособливаться к новым условиям функционирования» [2. С. 25].

Данный тезис требует уточнения и дополнения в части возможности системы не только возвращаться в исходную позицию или приспособливаться, но и изменять свои количественные и качественные параметры и характеристики, так как подобные процессы возникают и при малых возмущениях и колебаниях системы, что создает условия для развития поступательного и постоянного.

Устойчивость, скорее, свойство самосохранения системы, необходимое для развития в определенном структурно-организационном и функциональном режиме. Это — инструмент, не позволяющий системе приобрести диффузное или бессистемное состояние. Одновременно устойчивость не может быть отождествлена с торможением, так как эти оценочные свойства устойчивость приобретает при наличии влияния дополнительных факторов воздействия, которые и будут определять отрицательное значение характеристики.

Используя общепринятое определение устойчивости сделанное А. М. Ляпуновым, получается, что «траектория будет называться устойчивой, если для сколь угодно малого предельного отклонения, определяющего *коридор устойчивости*, можно указать такие ограничения для возмущений, при которых система не выйдет из этого коридора» [3. С. 31]. При этом определяющим, исходя из этого определения, является вопрос о возмущениях, относительно которых система будет устойчивой. Каков же естественный коридор устойчивости (сохранение жизни на земле, цивилизации, культуры или еще чего-либо)?

Одним из индикаторов количественного определения устойчивости, может быть использован показатель Бьесиота, «представляющий собой отношение скорости реагирования системы на угрозу к скорости распространения этой угрозы» [4. С. 43].

При этом возникают вопросы:

- каковы допустимые воздействия на систему;
- каков коридор возможностей человека;
- структурная устойчивость характеризует «качественное сходство различных систем при изменении разных параметров» [3. С. 33];
- что необходимо человечеству сохранить, а от чего стоит отказаться (каких интересов, потребностей, технологий, стандартов и норм)?

Глобальный подход к пониманию сути теории прослеживается в отождествлении термина «устойчивое развитие» и термина «интегральное национальное богатство», под которым понимается «природное богатство, национальное богатство в его сложившемся понимании и духовном богатстве» [5. С. 26].

За тридцать лет сформировались определенные теоретические конструкты понятия «устойчивое развитие», в том числе и среди экономистов. В силу предметно-объектной специфики экономической науки, теория устойчивого развития рассматривается в системе категорий: природный и экономический капитал, душевное потребление, рост экономического производства. Табу накладывается на сокращение душевного потребления. Типологические характеристики основных теорий представлены в таблице № 1.

Типология научных подходов, предложенная экономистами, наводит на ряд выводов. Во-первых, действительно, в настоящее время ни РФ, ни другие страны

так называемого третьего мира не смогут в ближайшей перспективе отказаться от табу на изменение душевого потребления. В этих странах этот показатель не покрывает даже витальных потребностей человека. Данное обстоятельство приводит к необходимости интенсификации производства, то есть увеличения экономического и природного капиталов.

Во-вторых, достижение данных целей невозможно без привлечения НТП, инновационной техники и технологий, которые должны рассматриваться не в качестве инструментария по увеличению прибыли и капитала или основной цели глобализирующейся экономики, а как способ решения проблем в достижении устойчивого развития. Для Российской Федерации движение от сырьевой к технологической парадигме само по себе на данном этапе может быть рассмотрено как переход к устойчивому развитию, как возможность сохранения емкости биосферы страны для будущих поколений.

Таблица 1

Классификационный экономический подход к теории устойчивого развития

<p>Факторы воздействия на достижение устойчивости системы</p>	<p>1. Индивидуальные потребности и их спектр 2. Демографический фактор, темп роста населения. 3. Продуктивность и эффективность НТП 4. Взаимозаменяемость капиталов и продуктов</p>	<p>Модель слабой устойчивости — неуменьшение душевого потребления; — максимум прибыли при технологических, ресурсных и институциональных ограничениях.</p> <p>Теория экономического роста — неуменьшение душевого потребления; — акцент на развитие НТП, способного найти оптимумы использования невозобновимых ресурсов; — замена невозобновимых на возобновимые ресурсы экономического и природного свойства.</p> <p>Теория капитала — неуменьшение запасов капитала (это сумма произведенного капитала и природного капитала) — условие использования его последующими поколениями.</p> <p>Теория Р. Солоу — Дж. Хартвика — в случае, если рента от используемого природного капитала сегодня будет реинвестирована в экономический потенциал, который в свою очередь позволит не уменьшить потребление и будущим поколениям; — замена природного капитала на экономический; — главный вопрос — сколько средств должно пойти на реинвестирование.</p>
<p>Концепция строгой устойчивости — невозможность замены одной формы капитала другой (т. е. экономического на природный и наоборот); — НТП — оказывает отрицательное воздействие на природный капитал; — стоимостные характеристики природного капитала только лишь условность; — в управлении природным капиталом — отказ от рыночных механизмов, переход на управление посредством создания регламентирующих биофизических показателей.</p>		

Выводы по концепции «строгой устойчивости»	<p>Устойчивое развитие тождественно достижению максимального развития, при этом величина природного капитала переменная постоянная.</p> <p>Устойчивое развитие возможно при нулевом росте демографических и экономических факторов.</p> <p>Масштаб экономической деятельности равен ассимилятивным и регенерирующим возможностям экосистемы</p>
	<p>Эколого-экономическая концепция</p> <ul style="list-style-type: none"> – качество окружающей среды находится во взаимосвязи и взаимообусловленности с потребностями; – взаимозаменяемость капиталов; – НТП имеет положительное влияние; – главная характеристика природного капитала – это его полифункциональность, следовательно, все функции заменить нельзя. Даже с использованием достижений НТП; – правило М. Томан – зависимость между величиной потенциального ущерба природному капиталу, степенью необратимости и несправедливостью к будущим поколениям; – теория Е. Барбиера и А. Марканду – необходимо различать рыночный и нерыночный природный капитал – это часть природного капитала, использование которого не должно превышать «минимальные нормы его сохранения».
Выводы	<p>Использование возобновимых ресурсов должно равняться скорости их возобновления.</p> <p>Замещение истощимых источников возобновимыми.</p> <p>Количество отходов должно равняться ассимиляционной способности экосистемы.</p>

Таблица подготовлена по материалам статьи И. Ю. Блам. Устойчивое развитие: основные теоретические проблемы // Регион: экономика и социология. 2000. № 2. С. 80–91.

В-третьих, заслуживает внимания идея о необходимости разработки норм, определяющих границы емкости экосистемы как ориентира для деятельности человека, за грани которой он не имеет права заступать. Известно, что емкость биосферы представляет собой «тот возможный объем использования первичной биологической продукции (первичной продукции биоты), изъятие которой из биосферы не нанесет ущерба действию ее регулирующих механизмов, определяющих содержание в биосфере жизненно важных для человека веществ (биогенов) [6. С. 8].

Определяющим ориентиром в деятельности достижения устойчивого развития видится проблема приближения и подведения человека, через создание условий и норм, к важности формирующей, инструментальной основы современного общества, а именно, развивающих потребностей. Они должны стать нормой, посредством которой мы можем преодолеть негативную тенденцию количественного роста, без качественной составляющей, потребностей человека, что, в свою очередь, опосредованно будет влиять на весь ход развития.

Важным является то, что определилось проблемное поле поиска, и теперь необходимо разрабатывать механизм реализации наметившихся ориентиров; их еще

не полная четкость и определенность может быть компенсирована поэтапностью продвижения к целям устойчивого развития.

Для РФ в целом таким первым этапом должно стать преодоление системного кризиса, через акцентуацию на человека, новые технологии прорывного характера, способные изменить жизнеобеспечение и жизнедеятельность общества, создавать условия, позволяющие вырваться из проблем обеспечения только витальных потребностей человека. «Нужны новые технологические прорывы, даже когда он, казалось бы, не имел особого смысла для бизнеса, совершенно не согласовывался с осторожной традицией мира корпораций» [7. С. 29].

Данный процесс есть суть единого целого со всей системой социального управления на всех уровнях. Когда государство не идет на инновации и, следовательно, на развитие, когда господствующий класс приобретает стабильность, он боится не всегда предсказуемых последствий инноваций в обществе (т. к. инновации возникают, результируя социальные конфликты). Отсюда проистекает нежелание элиты и государства проводить политику, направленную на проведение инновационной деятельности в рамках всего общества. Выход видится в создании институциональных условий, активизирующих роль индивидов в системе социального управления.

Использование человеческого потенциала видится через его возможности самоорганизации и инициативы, которые сами по себе не возникают, они формируются под влиянием множества факторов. Здесь должна проявиться значимость и направленность социального управления всех уровней как инструмента в данном процессе.

Муниципальный уровень является той системой, в рамках которой можно задействовать и цели, и инструментарий достижения устойчивого развития.

Базовым инструментом и одновременно целью развития как индивида, так и общества в целом являются знания, новое информационное общество.

М. Кастельс в своей книге «Информационная эпоха» предоставляет развернутое обоснование необходимости создания условий для перехода к новому информационному обществу, которые существовали и действовали бы в режиме реального времени. Сегодня поэтапность достижения стратегических целей по законам причинно-следственных связей предполагает стагнацию и в последующем системный застой и кризис существования. Встает вопрос, как избежать данного положения?

Ответ видится в том, что имеющиеся знания в обществе должны быть активизированы, должны работать как реальная производительная сила. Знание — эта та материально-вещественная и одновременно идеально-субъективная ткань, которая скрепляет и одновременно создает условия для развития как индивида, так и общества в целом. Знание из достояния не многих, обретая массовость, утрачивает свою элитарность и в большей степени приобретает инструментальный и ориентирующий характер во всех сферах жизнедеятельности.

Данный подход отличен от модернистского (восхваление науки, ее роли в обществе) в части отнесения знания и науки в разряд производительного инструмента активизации социального фактора развития общества.

Анализируя принципы устойчивого развития [8. С. 28–29], первое, на что обращаешь внимание, это акцентуация принципов, направленных на необходимость выработки государственной политики, основных средств и методов в решении возникающих проблем с обязательной привязкой к качеству, состоянию окружающей среды. Именно эта связь — государство и окружающая среда рассматривается определяющей и доминирующей, особым индикатором устойчивого развития.

Таким образом, можно предположить следующую гипотезу о том, что устойчивое развитие — это инструментальная система, включающая в себя три доминанты. Они выстраивают определенную институциональную матрицу, которая обуславливает связи и отношения, возникающие между ними. Это: человек, общество и природа. Можно говорить даже о социетальном уровне, который требует управления и регулирования. В этой триаде на первое место следует поставить общество.

В качестве основания здесь предполагается взаимодействующая и взаимообусловленная система (которая в свою очередь является элементом более крупной национальной системы), имеющая пространственную ограниченность как фактор, с акцентуацией на определенные составляющие ее элементы. Это система социального управления с вектором воздействия на инновационные составляющие всех сфер общества. Говоря о социальном управлении, внимание уделяется как государственному, так и местному управлению.

При всех разночтениях, касающихся роли и места государства в развитии общества, мы должны признать, что для России данный фактор и его значимость всегда были преобладающими и определяющими на всех этапах истории. Это можно рассматривать в качестве свойства, национальной специфики, которую необходимо учитывать и в современных условиях.

В качестве аргумента можно предложить цитату из монографии М. Тэтчер, яростной противницы расширения участия государства в жизнедеятельности общества, выступающей за идеологию индивидуализма и конкуренции, где она пишет о том, что «ответственность и основополагающая ценность человеческой личности составляют фундамент *организованной* свободы» (курсив мой) [9, С. 45].

Известно, что содержательная сторона модели развития подвижна и может быть подвержена трансформации, реформе, преобразованиям, наконец, корректировке. Труднее обстоит дело с изменением типа развития, который базируется на объективных основаниях существования общества.

Тип развития предполагает определение его целеполагания через формирование приоритетов и направлений, через учет интересов государства, региона, территории, личности. Знание и опора на интересы разноуровневых элементов системы, коей является российское общество, способствуют созданию и поддержанию оптимальных условий для их системного баланса, с одной стороны, с другой — изысканию стимулов и потенциалов для прогресса и роста.

По мнению профессора Томаса Штраубхара, современные тенденции развития, которые приобретают глобализационную направленность, характеризуются «сжатием экономического пространства и времени» [10, С. 197].

Еще в конце 20-х гг. В. И. Вернадский указывал на движение и развитие научной мысли как «природного явления», которой свойственна «определенная скорость движения, что она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления» [11, С. 31].

Делая ставку на инновационные процессы как фактор развития территории, стоит обратить особое внимание на механизм сочленения науки и образования и промышленности как базовое условие.

Концептуально вопрос продвижения, флуктуации продукции науки и образования в реальные сектора промышленности особенно остро стал обсуждаться в 20-е гг. прошлого века. Здесь стоит упомянуть идеи Н. И. Бухарина, который рассматривал техническую революцию как четвертый этап и обязательное условие продвижения к социализму. С. Ф. Ольденбург пытался объяснить причину малой скорости продвижения плодов науки в реальные сектора экономики и других сфер жизнедеятельности общества через национальный фактор,

через психологический фактор. Большинство людей настроено на получение прежде всего материального блага, видимого и осязаемого, наука же и образование, в частности, не всегда предоставляют ожидаемое. Оба автора высказывали идеи о необходимости введения в научную практику планирования и организации, усиления роли государства в процессе интенсификации инновационных процессов.

В настоящее время чрезвычайно остро стоит вопрос о мере участия государства в процессе создания адекватных механизмов объединения усилий науки — образования и промышленности в вопросе создания условий для прорывного развития. Данный вопрос является первостепенной функциональной обязанностью государства. Можно говорить об изменении форм и методов такого участия, но не о самоустранении, что мы наблюдаем последние пятнадцать лет. Речь не идет о директивном планировании и управлении, скорее, о рамочных условиях вхождения и участия всех элементов системы, всех заинтересованных сторон в этом процессе и механизме, институализации их как по горизонтали, так и по вертикали.

В нашей стране до сегодняшнего дня преобладают три структурных подхода к определению сути данного механизма. Это создание наукоградов; создание и размещение научно-исследовательских и конструкторских центров при профильных предприятиях и создание спутников крупных промышленных городов. В то же время, на Западе отправной точкой создания центров инновационной деятельности в различных сферах являются университеты, высшие учебные заведения, где аккумулируются научная мысль, квалифицированные кадры и понимание проблем и тенденций развития, технологий по их разрешению и достижению целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Региональные проблемы в стратегии устойчивого развития России. Сб. ст. М.: Международный центр обучающих систем. М.: «Аванта +», 1999. 376 с., илл.
2. Кузьмин С. А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М.: Наука, 1996. 191 с.
3. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М.: Наука, 2000. 431 с.
4. Шелехов А. М. Индикаторы устойчивого развития для России // Экос-информ. 2001. № 12. С. 42–46.
5. Терехов А., Коваленко А. Применение нормативного метода в управлении // Правила игры. Экономика, политика, общество. 2000. № 4. С. 25–30.
6. Шопхоев Е. Умкость биосферы не безгранична // Экос-информ. 2000. № 10–12. Т. 3. С. 7–13.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Устойчивое развитие: Россия, Сибирь, Байкальский регион. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 122 с.
9. Тэтчер Маргарет. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2003. 504 с.
10. Баранова К. К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2000. 240 с.
11. Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знаний. Доклад на первом публичном заседании комитета по истории знаний АН СССР 14 октября 1926 г. В кн.: У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз — первая треть XX в.). Хрестоматия. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1998. 262 с.